

ФІЛОСОФІЯ ТА ПОЛІТОЛОГІЯ В КОНТЕКСТІ СУЧАСНОЇ КУЛЬТУРИ

ISSN 2663-0265 (Print), ISSN 2663-0273 (Online)
Journal home page: <https://fip.dp.ua/index.php/FIP>

УДК 165.31

Игорь Васильевич Павленко

Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара

Пр. Гагаріна 72, Дніпро, 49000, Україна

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6798-4903>, E-mail: abissum0@gmail.com

Received 15 August 2018; revised 19 September 2018; accepted; 15 October 2018

doi: 10.15421/351907

ЛОГИКА И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация.

Анализируется соотношение логики и реальности, языка и внелингвистических контекстов в рамках теории идиолонгвизма и умеренного релятивизма. Исследуется проблематика противоречия в логике и языке в его отношении к действительности и к ментальным состояниям языкового субъекта. Проблема достоверности рассматривается в русле теории языковых игр Л. Витгенштейна и его представления о значении слова как способе его употребления. Критический анализ данной теории включает в себя рассмотрение противоречия в качестве необходимого условия использования языка.

Ключевые слова: язык, значение, смысл, контекст, противоречие, семантика, референция.

Игор Васильович Павленко

Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара

Пр. Гагаріна 72, Дніпро, 49000, Україна

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6798-4903>, E-mail: abissum0@gmail.com

Логіка і реальність

Аналізується співвідношення логіки і реальності, мови і позалінгвістичних контекстів в рамках теорії ідіолонгвізму та помірнього релятивізму. Досліджується проблематика протиріччя в логіці і мові в її відношенні до дійсності і до ментальних станів мовного суб'єкту. Проблема достовірності розглядається в руслі теорії мовних ігор Л. Витгенштейна і його уявлення про значення слова як способу його використання. Критичний аналіз даної теорії містить в собі розгляд протиріччя в якості необхідної основи використання мови.

Ключові слова: мова, значення, сенс, контекст, протиріччя, семантика, референція.

Igor V. Pavlenko

Oles Honchar Dnipro National University

Gagarina ave., 72, Dnipro, 49000, Ukraine

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6798-4903>, E-mail: abissum0@gmail.com

Logic and Reality

Abstract.

The correlation of logic and reality, language and extra linguistic contexts within the framework of the theory of idiolinguism and moderate relativism is analyzed. The problems of contradiction in logic and language in its relation to reality and to the mental states of the language subject are investigated. The problem of reliability is considered in line with the theory of language games of L. Wittgenstein and his ideas about the meaning of a word as a method of its use. A critical analysis of this theory includes the consideration of a contradiction as a necessary condition for the use of language.

Existing examinations in the field, contouring a problem as a whole, do not come nearer at all to its satisfactory solution. The main cause of such state of affairs consists, apparently, in reluctance of the majority of authors to accept more broad treatment epistemic object, having included in this concept mental modes, imagination yields, in a broad sense, - mental formations and frames.

The question, command, the request, joke, hypothetical constructions, any expressional speech acts – all similar propositions can be correctly constructed from the point of view of grammar, but spot them we should without the aid of any references to the validity theory. It is possible to guess, as with so-called constatives to which the specified measure, apparently, are applicable, also not all so is simple. Probably, property of the

proposition to be true or false that would not mean it, that is proper in only certain class of our expressions, and with variety of reservations. Tongue imposes to us not only a world pattern, but in some cases and the world. Tongue binds denotat to existence, provokes it, approves life. Set of objects insignificant both ephemeral gain steady and prevailing existence thanks to tongue.

Any exposition is conventional, a problem only in character and a degree of this convention. But the logic has breakage between object of calculus. That future or past tense which is present at the temporary logic – only intuitive, simplified model of our experience of time. And this «time» is not that other, as the special modal object within the limits of the logic. Therefore there is a sense to speak about reliability of judgements of the physicist or the geologist, but absurdly to speak about reliability of logic calculus, here it is a question only of correspondence to initial postulates however strange and separated from the validity they were.

Keywords: *language, meaning, sens, context, contradiction, semantics, references.*

Задача предлагаемой статьи – рассмотреть основные положения референциальной теории значения, а также аргументы сторонников позиции жесткого совмещения логики и реальности. Разумеется, данная тема – лишь часть более общего вопроса: *как соотносятся с реальностью наши описания*. Можем ли мы правильно поставить его? Например, будем ли мы считать описаниями реальности наши ментальные самоотчеты? Возможно, следует говорить обо всех наших представлениях, мыслях, фантазиях по отношению к «реальности» и, в узком смысле, об описаниях как таковых и об их отношении к двум столь разным типам феноменов. Кроме того, будем ли мы считать язык логики *только* системой описания реальности, наряду с естественным языком, например, или имеет смысл говорить о логике самого языка или самой реальности. Может быть вопрос лишь в том, насколько мы готовы принять ту или иную версию платонизма.

Данная проблема красной нитью проходит через всю историю логики, начиная с Аристотеля, которым она и была впервые поставлена. Среди философов, активно исследовавших этот вопрос особо выделяются работы А. Майнонга [12] и Б. Рассела [7] аргументы которых не потеряли актуальности и по сей день. Постоянный интерес к проблеме соотношения логики и реальности проявлял Л. Витгенштейн [см. 14; 15], позиция которого будет рассмотрена в настоящей статье. Среди современных исследований, посвященных данному вопросу, можно выделить работы Д. Льюиса [5], Дж. Р. Сёрла [9], В.Л. Васюкова [2], В.Г. Попова [6].

Философствующему субъекту хочется делать богатые, избыточно содержательные

онтологические и экзистенциальные допущения, чтобы одним махом ввести все сущности, которыми оперируют наше сознание, настроение, язык. Это совершенно естественное и оправданное стремление. Несмотря на довольно очевидное отношение к некоторой реальности, нашему языковому узусу, не говоря уже о настроении, противны какая-либо дисциплина и логическая непротиворечивость. Мы хотим сразу начинать с самого главного, сколь бы туманным оно не казалось, а этим главным по мнению большинства являются вопросы онтологического и экзистенциального свойства. Однако мы вынуждены постоянно сдерживаться, во-первых, потому что эти допущения различны у разных людей, и мы не можем обосновать свой выбор иначе, чем ссылкой на наш собственный субъективный опыт. Например, все люди склонны к тем или иным версиям реализма или номинализма и за этими разными предпочтениями, вероятно, стоят некие психологические причины. Во-вторых, существуют трудности с логическим представлением наших допущений, ведь многие из них – это продукты нашей фантазии, интуиции, описания нашего жизненного мира, следствие образа жизни, привычек и воспитания. Необходимость проявлять осторожность при введении онтологических предпосылок хорошо осознается всеми авторами, работающими в области «строгой» философии, логики, семантики, феноменологии. [см. напр. 2].

Витгенштейн постоянно говорит о соответствии логики, языка и мира, предполагая, что у мира есть некие логические свойства: «Так называемые логические предложения *показывают* логические свойства языка и вследствие этого – мира, но они *не говорят* ничего.

Каждое *настоящее* предложение *показывает* нечто – наряду с тем, что оно говорит – о мире: *так, как* если бы оно не имело никакого смысла, оно не могло бы употребляться, и если оно имеет смысл, то оно отражает логическое свойство мира» [13, с. 209].

Во-первых, характерно, что Витгенштейн однозначно связывает логические свойства мира и языка. Во-вторых, речь идет о бессодержательности самих логических форм, которые «устраивает» любое осмысленное содержание. В конце концов, можно ведь заниматься исчислением кентавров или русалок и от этого логика не перестанет быть логикой. Точнее, нам лишь *кажется*, что логика занимается исчислением *чего-то*, тогда как изначально она совершенно индифферентна к любому возможному содержанию и любому различению в рамках этого мыслительного конгломерата.

В этой связи характерно определение множества, данное Г. Кантором: «Под *множеством* мы понимаем соединение в некое целое *M* определенных хорошо различимых предметов *m* нашего созерцания или нашего мышления» [3, с. 173]. Мы можем приспособить логические исчисления для решения конкретных задач, но такое использование логики ничего не говорит о ее сути, точно так же, как школьник может считать яблоки или деревья, но это ничего не скажет ему о сущности числа. Иначе говоря, умение пользоваться некоторой системой (языком) не всегда означает понимание смысла происходящего. Возникает соблазн ввести ментальную (идеационную) компоненту в любую ситуацию оперирования знаками.

Вместе с тем мы можем легко представить себе использование знаков без апелляции к ментальному состоянию пользователя. Например, в некотором закрытом помещении находится датчик, контролирующий содержание вредных веществ в воздухе. В случае превышения определенного уровня, это устройство посылает сигнал на головной компьютер, который отдает команду включить, например, вентиляцию. Налицо система, использующая знаки с очевидным прагматическим (бихевиоральным) эффектом, но явно не имеющая «ментальности» и сам вопрос о «понимании» или

«смысле» происходящего даже не может быть поставлен. Обычное возражение в таких случаях следующее: сама подобная система могла появиться лишь случае наличия ментальных состояний ее творца, разработчика, который действительно *понимал*, что и для чего он делает и какую систему знаков предпочтительнее избрать для данной системы. Почему мне кажется, что подобное возражение не ухватывает сути вопроса? Что независимо от мыслей и чувств создателя, система работает, самостоятельно используя знаки, и будет работать, даже если исчезнут все, кто понимает суть всего процесса. Египетские иероглифы до их расшифровки, личный шифр давно умершего человека – разве не являются осмысленной (т.е. ментальной) системой обозначения, хотя нет никого, кто мог бы их прочитать. В результате можно прийти к довольно странному выводу: любая система знаков или система, использующая знаки, обладает своей собственной, внутренней ментальностью или, по крайней мере, *действует* сообразно некоторой логике, которая организована по аналогии с ментальными свойствами, состояниями и отношениями. Не потому ли нам кажутся разумными или разумно устроенными различные явления природы: космологические закономерности, развитие жизни, поведение животных и вообще – вся организация мирового процесса. Не означает ли изоморфизм мира-мышления-языка, что у всего этого имеется один общий ментальный источник. Извечная тематика и «аргументация» идеализма.

Сам этот изоморфизм может быть представлен различно. Например, эпистемологическое большинство говорит об инструментальной природе языка и о том, что его процедуры (означивание, отсылание, указание) имеют вторичный характер по отношению к обозначаемому, т.е. являются *процедурами*, способом работы с некоторыми объектами или просто отношениями между последними.

Иной точки зрения придерживается, например, Хайдеггер: «Для исследования феноменов указания, знака и особенно значения их характеристикой как отношения не получено ничего. Наконец должно быть даже показано, что

само «отношение» *вследствие* своего формально-общего характера имеет онтологический источник в указании» [11, с. 77]. Иначе говоря, знак и само указание первичнее той функции, которую они выполняют и даже первичнее самого означаемого, поскольку последнее появляется благодаря указанию.

Судя по более поздним комментариям, Хайдеггер полагает, что тем самым выносит приговор логистике (речь идет об аналитической философии того периода – Фреге, Рассел, Венский кружок и пр.). При т.н. «формализации» у логистики все хорошо согласуется, поскольку в основе своей она ничего и не говорит. То есть вечный упрек логике и аналитикам в том, что они – бессодержательны, не ухватывают сути вещей и лишь поэтому у них все «ясно» и все «получается». Бадью и вовсе считает их софистами, скрывающими за наукообразными описаниями свое действительно незнание и непонимание. Обратный упрек: Хайдеггер и ему подобные – просто литераторы, красиво оформляющие смысловую пустоту. Их слова ничего не значат и являются формой звукоподражания или аналогичны пению птиц и стрекотанию насекомых. Пусть это и не так, и слова Хайдеггера не бессмысленны, но всегда хочется спросить: неужели о таких в общем-то несложных или, во всяком случае, обычных вещах (мир, человек, страх, забота) нельзя было говорить проще? Правда, Хайдеггер мог бы ответить: вот и играй вместо шахмат в шашки, они ведь «проще» и тоже «игра». Вполне в духе языковых игр Витгенштейна, раз уж ввязался в игру под названием «философия» – играй по ее правилам, если нет, выбирай себе иной уровень. Да, это так, но ведь не Хайдеггер устанавливает правила игры в философии (равно как и не Витгенштейн их отменяет).

Строго говоря, их вообще никто не устанавливал и не устанавливает. Все это условность, а раз так, то правила можно и изменить. Кроме того, может выясниться, что Хайдеггер и другие просто неправильно играют в философию, так же, как можно неправильно играть и в шахматы. Да и всегда ли тексты Хайдеггера действительно адекватны содержанию (суть) и сложности излагаемого? Возможно, что до

истинной сложности бытия *все* наши тексты еще не доросли, а то, что нам действительно доступно, может быть изложено иначе, как, например, у Шекспира или у Достоевского.

Отношение наших высказываний к реальности имеет множество аспектов: «И нельзя сказать, что сумасшедший говорит бессмыслицу, утверждая, что он Наполеон. Скорее, можно сказать, что он просто ошибается» [8, с. 128].

Разве бессмыслицей является заявление сумасшедшего о том, что он – Наполеон или Христос? А разве не столь же бессмысленно было на месте Христа полагать, что он – Сын Божий? Но почему в отношении Христа такое рассуждение звучит глупо, т.е. не ухватывает сути вопроса? А в случае заявления душевнобольного, что он – Наполеон, мы действительно ухватываем суть? Не приход ли мы с подобными вопросами к тому, что любая комбинация знаков, любая речевая активность имеют смысл, т.е. обладает сутью. Например, «...логически нет ничего невозможного, чтобы иметь три руки» [8, с. 118].

Что вообще означает «логически возможно» или «логически невозможно»? Можно ли это вразумительно объяснить? Не должны ли мы думать, что именно логически возможно все, что придет нам в голову. В самом деле, какое отношение имеет логика к тому, сколько у меня рук или есть ли в этой комнате носороги. Говоря иначе, проблема достоверности – это не проблема логики, но скорее – эпистемологии и психологии. Если предложение имеет смысл, то есть говорит о некотором объекте, некотором положении дел, то его можно использовать. Сам факт использования предложения есть если и не свидетельство его истинности, то, во всяком случае, действительности. А как же быть с предложениями логики? Как используется предложение $A \wedge \sim A$? То, что я не могу использовать это предложение, разве означает, что оно не имеет смысла? Или то, что я не могу использовать его так же, как предложение $A \leftrightarrow A$, не означает ли, что эти предложения просто из разных логических вселенных (возможных миров). К чему отсылает словосочетание «круглый квадрат»? Не есть ли оно иллюстрацией понятия «абсурд»? И в этом смысле я

использую его? А я действительно использую выражение $A \Leftrightarrow A$? Возможно, мы *на деле* не используем никакой логики и ее предложений. Если момент аутентичности, равенства с самим собой, присутствует так или иначе в любом нашем действии или рассуждении, то можно ли назвать это *использованием* логики. Нет, скорее *сама логика* – лишь интеллектуальная реакция на наши способы использования языка. Вот для сравнения точка зрения А.Ф. Лосева: «Теперь понимают, что можно говорить – и никакого отношения к действительности. “Круглый квадрат”. Я сказал что-нибудь? Сказал. А ты понял? Конечно понял. А соответствует это действительности? Нет. Не знаю. “Володя, тут у меня деревянное железо!” Здесь, в том, что я сказал, все есть – кроме объективного факта деревянного железа. Я не наблюдал такого факта» [1, с. 522].

Также у Айера: «С настоящими трудностями эмпирик сталкивается в связи с истинами формальной логики и математики» [10, с. 72]. Отстаивая свой эмпиризм, Айер показывает, что истины математики и логики являются аналитическими, а потому не содержат информацию о реальности, следовательно, их априорность не означает, что мы обладаем априорными знаниями о мире. [10, с. 86-87]. Это можно понять также и в том смысле, что логика и математика ничего не говорят о существовании или несуществовании каких-либо объектов. Тогда неясно, почему все аналитики так настаивают на недопустимости логической возможности существования единорогов, Шерлока Холмса и пр., даже если правила оперирования с подобными объектами заданы четко и непротиворечиво? Или, все-таки, мы, рассуждая о равнодушии логики к реальному миру, невольно вводим некие онтологические предпосылки?

Похоже, именно так понимает свою миссию Витгенштейн: «81. Наша задача – не поиск исчислений, а описание *настоящего* [gegenwärtigen] положения вещей. <...> Разве невозможно все же, чтобы мы захотели произвести противоречие? Чтобы мы, с гордостью за это математическое открытие, говорили: ‘Смотри, как мы производим противоречие’. Возможно ли, чтобы, например, множество людей

пытались производить противоречие в области логики, и что это, наконец, кому-то удалось? Но почему люди должны были пробовать сделать *это*? Сейчас, возможно, я не могу указать на некую понятную цель. А почему бы, например, не для того, чтобы показать, что в этом мире все неопределенно? Эти люди в действительности никогда не стали бы использовать выражения формы ' $f(f)$ ', правда, однако, были бы рады жить по *socedству* [Nachbarschaft] с противоречием» [14, с. 210-211].

Трудно сказать, что такое жизнь в соседстве с противоречием, скорее всего, просто метафора. Желание породить противоречие безусловно существует, и оно *может* иметь какие-либо метафизические предпосылки. Но можем ли мы «порождать» противоречие; скорее, только обнаружить, высказать, записать. Жажда противоречия есть нечто психологическое, связанное с настроением, душевным состоянием (как и уверенность). В этом же смысле мы можем «использовать» противоречия: для утешения, из вредности или в дидактических целях. Использование противоречий в логике возможно как техническая процедура (сведение к абсурду) или использование противоречия в качестве примера в некоторой языковой игре, как это и делает Витгенштейн, наконец, противоречивы логические парадоксы и тогда мы имеем дело с особой областью логических исследований. В таком случае, что есть применимость противоречия? Все зависит от точки зрения; согласно одной – все, что может быть высказано и помыслено, применимо так или иначе. Согласно другой, прежде чем говорить о применимости противоречия, следует подумать о *действительной* применимости непротиворечивых (истинных) высказываний. Например, применение закона тождества в модальной логике [4, с. 212-213]: «С моей точки зрения существует только один путь решения вышеупомянутых трудностей: мы не должны допускать, чтобы формула $LJxx$ [(с) $\square (x = x)$] была принята, то есть, чтобы принцип тождества Jxx [(а) $x = x$] считался необходимым» [4, с. 213].

Не думаю, что Лукасевич стал бы отрицать, что принцип тождества имеет свою область применения, а также онтологический и

экзистенциальный аналог в нашем мире. Вещи устойчивы, сопротивляются изменениям и склонны оставаться тем, что они есть. Не исключено, что все в мире существует и совершается с необходимостью, ослабленным вариантом которой выступает возможность. Тогда действительно необходимо, чтобы тождественные индивиды были необходимо тождественны. Эта позиция может быть представлена как универсальный принцип: *если нечто возможно (или возможно помыслить), то оно, тем самым, уже и существует*. Особенно привлекательная позиция для художественных натур, магов, поэтов, провидцев и пр. Предложение $\diamond (x = y) \rightarrow \square (x = y)$ выглядит фантастично, а должно было быть: $\square (x = y) \rightarrow \diamond (x = y)$, то есть, по сути, точка зрения *здравого смысла* и его логики, но ведь принцип тождества – также инструмент здравого смысла, выходит, что сами его основания противоречивы и неустойчивы, точнее, сам здравый смысл не может быть доведен до логического конца, или, еще точнее, здравый смысл, будучи доведенным до логического конца, превращается в фантазию, онтологическую и эпистемологическую вседозволенность, свою противоположность. Хотя, для человека, *что* может быть более здоровым и более типичным, чем опора на собственное воображение и его продукты. Мы ведь всегда выдаем желаемое за действительное, что же сетовать, что это проникло и в нашу логику.

Таким образом: 1) безусловно возможно *желать* противоречия по причинам самым разнообразным (психологическим, метафизическим, логическим), более того, расшатать с помощью противоречия самые устойчивые основания, показать их недостаточность и противоречивость – принципиальная методологическая задача любой науки. Это следовало бы делать принципиально, если бы реальные затруднения и потребность адекватного описания мира и без того не приводили бы к подобным результатам; 2) *порождение* противоречия – сомнительная процедура, поскольку мы порождаем его самим своим присутствием в мире, никаких дополнительных усилий с нашей стороны не требуется; 3) мы *используем* противоречия и как техническую процедуру,

сопровождаящую любую нашу активность, и как отражение, свидетельство некоего существенного содержания, позволяющего человеку быть самим собой.

Витгенштейн стремится связать воедино все наши языковые игры: «57. 'Почему в математике не должно быть никакого противоречия?' – И почему его не может быть в наших простых языковых играх? (Здесь определенно имеется взаимосвязь.) Является ли это основным законом, который управляет всеми мыслимыми языковыми играми? Положим, что противоречие в приказе, например, вызывает удивление и нерешительность, и теперь мы говорим: это как раз и есть цель противоречия в этой языковой игре» [14, с. 254-255].

Но разве именно так обстоит дело? Так ли недопустимы противоречия в наших языковых играх? Очевидно, что разные языковые игры могут противоречить друг другу, да и в рамках каждой отдельно взятой языковой игры противоречие является мощным инструментом для решения самых различных задач. Оно может быть риторической фигурой и дидактическим приемом, выполнять экспрессивные функции, быть пародией, сатирой, элементом любовной игры, характеристикой сновидения, литературным парадоксом и фантазией душевнобольного. Кроме того, в любой мыслимой иерархии языковых игр, то, что является противоречием на одном уровне может не быть им на другом. Хотя, быть может, не иерархия, но рядоположенность, соседство.

Нет числа противоречиям, которые вводятся в языковые игры сознательно, так сказать, с нашего ведома. Но еще больше проникает в них помимо нашей воли. Бытовая речь, поэзия, политика, философия переполнены противоречиями и это, похоже, всех или почти всех устраивает.

Факт использования противоречий в нашем языке так же очевиден, как и знание того, что это рука. Но вот очевидно ли, что это рука? Очевидно ли, что это (конкретно, *это*) – действительно противоречие? – Кажется, второе – более очевидно, чем первое, поскольку у нас есть правила для определения того, что перед нами противоречие, но нет правил, а только

привычка для определения того, что это рука или что я вижу именно руку. Здесь мы вынуждены говорить о самой возможности и границах опыта: «21. <...> Границы эмпирии не есть ничем не гарантированные [недостоверные] допущения или верные лишь интуитивно; но способы и указания сравнения и действия» [14, с. 387].

Границы эмпирии по определению должны определяться нашей чувственностью, что бы мы под этим не подразумевали. Принципиальная невозможность чувствовать что-либо, означает невозможность иметь это в опыте. Сравнение и действие – это неплохое сочетание, поскольку человек может не иметь возможности действовать (паралич), но способен иметь впечатления и дифференцировать их так или иначе. С другой стороны, возникает неувязка (путаница) с понятием «эмпирический». Похоже, Витгенштейн трактует его как «данный в опыте», причем, именно в непосредственном опыте, здесь и теперь. Простое введение временной модальности, например, будущего времени, приводит нас к непростому расширению понятия опыта, как раз благодаря допущениям, признаваемым правильными лишь интуитивно; естественно, что в отношении достоверности (уверенности) статус суждений о будущих событиях будет гораздо ниже, чем о событиях настоящего времени. Вообще, есть много способов ослабить суждения эмпирии с их притязаниями на абсолютную достоверность: «там», «тогда», «возможно», «вероятно» и т.п., но ослабить, не означает вовсе отменить. «Нигде», «никогда», «невозможно» – образуют нижнюю границу наших допущений. Существует и верхняя, заданная операторами «везде», «всегда», «необходимо». То, что следует за ними – уже не имеет отношения к эмпирии, как и предложение, повествующее о всяком возможном опыте, – не является частью какого бы то ни было опыта, поскольку описывает то, что никакому реальному опыту не соответствует. Разве является опытом *концепт* опыта? Возможный опыт – это все-таки *опыт*, в отличие от самой *возможности опыта*, которая не может быть создана в нем самом.

Речь идет о конвенции в отношении опыта,

о том, что считать опытом. Но как и в языке мы по видимости не заключаем никаких конвенций. Что есть такого в грамматике, что не позволяет ей стать *чистой* конвенцией? Мы не можем играть в шахматы по правилам *шахмат*, если заранее их не оговорили, т.е. в шахматах (футболе, игре в карты, математике и пр.) существует особая обязательная процедура обсуждения и принятия правил. Мы можем говорить на своем языке в соответствии с правилами, не обсуждая и не принимая *по-видимому*, никаких правил. Если только это мешает грамматике быть чистой конвенцией, то с этим можно смириться. Другое дело, что чистая конвенция игры у Витгенштейна – это абстракция неприменимости игры к реальности. Что такое сама эта *применимость*? Быть может, возможность или факт использования языковой игры в каком-либо неязыковом контексте? Но тогда те языковые игры, с которыми мы имеем дело, могут *прилагаться* к реальности, равно как и любые игры вообще. Правда, сомневающийся спросит у Витгенштейна, к какой реальности применимы такие языковые игры, как, например, литературный нонсенс или «заумь» Хлебникова? А к какой реальности приложима языковая игра под названием «лирическое стихотворение» или «миф», «молитва», «евангелие», «апокалипсис»? Для того, чтобы говорить об этом так, как хочет Витгенштейн (язык применим к реальности), необходимо существенно расширить понятие «реальность», включив в нее субъективные феномены, фантазии любого рода, объекты мифологии, религии и метафизики. Без подобного расширения любая теория о приложении языка неизбежно будет локальной.

«18. Спроси себя, полон [завершен, совершенен – *vollständig*] ли наш язык; – был ли он полон до того, как мы ввели в него химическую символику и обозначения для исчисления бесконечно малых; ведь они, так сказать, пригороды нашего языка. (И с какого числа домов или улиц город начинает быть городом?). Наш язык можно рассматривать как старинный город: переплетение [букв. закоулки] улочек и площадей, старых и новых домов, домов с пристройками разных эпох; и все это окружено

множеством новых пригородов с прямыми регулярными улицами и однообразными домами. 19. Легко представить себе язык, состоящий только из приказов и донесений в сражении. – Или язык, состоящий только из вопросов и выражений согласия и отрицания. И бесчисленные другие. – Представить себе какой-нибудь язык – значит представить некоторую форму жизни [Lebensform]. <...>» [15, с. 245-246].

О чем говорит Витгенштейн? Или *как* это можно понять. *Любой естественный язык обладает полнотой* и здесь не существует никакой приемлемой градации, как и в случае с городом. Ясно, что один дом не составляет города, как одно предложение какого-либо языка не является языком. А если это дом, в котором живет община переселенцев, которые *решают* основать город, выбирают мэра и начинают строительство. Уже через несколько лет появляется типично городская инфраструктура и знакомые городские атрибуты. Любое предложение языка также каким-то образом представляет *весь* язык, даже если мы не можем его реконструировать. Но это делается, если у нас достаточно данных. Язык есть целостность и начиная с определенного возраста мы владеем им с *достаточной* полнотой. Достаточной не только для описания всего, что с нами происходит, не только для применения в разнообразных жизненных ситуациях, т.е. не только актуально, здесь и сейчас, но и потенциально, в нашей способности к производству языковых новаций. Мы «достаиваем» язык, как достаивают город, но и в том и в другом случае, зачастую, наиболее интересными и ценными считаем самые архаичные, исходные, простые элементы. То, без чего не было бы ни города, ни языка. Наш язык (как и город) не перестанет существовать, лишившись некоторых своих элементов или областей, например, химической символики или какой-либо улицы на окраине. Но попробуйте устранить систему глагола или систему городского управления и коммунальные службы.

«22. Мнение Фреге, что в утверждении заключается допущение о существовании того, что в нем утверждается, собственно, базируется на возможности, имеющейся в нашем языке,

– записать каждое повествовательное предложение в форме “Утверждается, что происходит это и это.” – но “Что происходит это и это”, не является предложением нашего языка – это еще не *ход* в языковой игре. И если я пишу вместо “Утверждается, что...” “Утверждается: происходит это и это”, тогда слово “Утверждается” излишне. <...>» [14, с. 248-249].

Можно назвать это обстоятельство случайным или несущественным, ничего не говорящим о существовании мнимых объектов или ментальных фантомов, которыми и в самом деле переполнен наш язык. Однако было время, когда носители языка *действительно* не усматривали существенной разницы между существованием т.н. реальных и мнимых объектов, скажем, между деревом и персонажем сновидения или привидением. Разница существовала скорее в характере реагирования на объект, но не в оценке его достоверности. Для демонстрации этого не обязательно исследовать примитивные культуры, достаточно вспомнить собственные детские реакции.

Можно сказать, что язык просто отражает наше исходное отношение ко всем мнимостям, с которыми так немилосердно расправляются аналитики. В общем, мы-то и сейчас так относимся к реальности, только на место одних мнимостей пришли другие, более современные. Но и те, прежние, никуда не исчезли и время от времени выползают наружу, например, когда мы бодем, устаем, боимся и т.п. Наш язык и его «фантомы» – это не какой-то склад пережитков, которые мешают жить Витгенштейну – это постоянная возможность ретроспекции и обогащения лингвистического настоящего.

Возможно, в рассматриваемом примере, язык показывает нам не то, от чего следует избавиться, как того хочет Витгенштейн, а то, к чему необходимо вернуться, т.е. восстановить высокий онтологический статус виртуальных объектов. Если точные науки во имя дальнейшего прогресса требуют препарирования, очистки, демистификации нашего языка, то как знать, не связано ли выживание человека и человечества с решением диаметрально противоположных задач.

Бібліографічні посилання

1. Биbihин В.В. Из рассказов и бесед А.Ф. Лосева. *Лосев А.Ф. Имя: сочинения и переводы*. СПб.: Алетей, 1997. С. 489-526.
2. Васюков В.Л. Формальная феноменология / В.Л. Васюков. М.: Наука, 1999. 223 с.
3. Кантор Г. К обоснованию учения о трансфинитных множествах. *Кантор Г. Труды по теории множеств*. М.: Наука, 1985. С. 173-245.
4. Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / Пер. с англ. Н.И. Стяжкина и А.Л. Субботина / Я. Лукасевич. Биробиджан: ИП «Тривиум», 2000. 312 с.
5. Льюиз Д. Истинность в вымысле [Текст]. *Логос. Философско-литературный журнал*, № 3 (1999) 13 / Д. Льюиз. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 48-68.
6. Попов В.Г. Логика и реальность: логико-философские очерки / В.Г. Попов. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2004.
7. Рассел Б. Введение в математическую философию [Текст] / Пер. с англ. В.В. Целищева / Б. Рассел. М.: Гнозис, 1996. 240 с.
8. Руднев В.П. О недостоверности: против Витгенштейна. *Логос*. 1997. № 9. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 118-129.
9. Сёрль Дж. Р. Логический статус художественного дискурса [Текст]. *Логос. Философско-литературный журнал*. № 3 (1999) 13 / Дж. Р. Сёрль. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 34-47.
10. Ayer A.J. *Language, Truth and Logic*, N.Y., Dover Publication, 1952, 160 p.
11. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Neunzehnte Auflage. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2006. 445s.
12. Meinong A. *Über Gegenstandstheorie. Untersuchungen zur Gegenstandstheorie und Psychologie*. Herausgegeben von A. Meinong. Leipzig, Verlag von Jochann Ambrosius Barth, 1904. S. 1-51.
13. Wittgenstein L. *Tagebücher 1914-1916. Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Bänden*. Bd.1. – Frankfurt a. M., Suhrkamp Verlag, 1984. S. 87-223.
14. Wittgenstein L. *Bemerkungen über die Grundlagen der Mathematik. Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Bänden*. Bd.6. Frankfurt a. M., Suhrkamp Verlag, 1984. 446 s.
15. Wittgenstein L. *Philosophische Untersuchungen*. Hrsg. von G.E.M. Anscombe und von R. Rhees. *Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Bänden*. Bd.1. Frankfurt a. M., Suhrkamp Verlag. 1984. S. 225-580.

References

1. Bibihin V.V. Iz rasskazov i besed A.F. Loseva. *Losev A.F. Imya: sochineniya i perevody*. SPb.: Aletejya, 1997. S. 489-526.
2. Vasyukov V.L. *Formalnaya fenomenologiya* / V.L. Vasyukov. M.: Nauka, 1999. 223 s.
3. Kantor G. K obosnovaniyu ucheniya o transfinitnyh mnozhestvah. *Kantor G. Trudy po teorii mnozhestv*. M.: Nauka, 1985. S. 173-245.
4. Lukasevich Ya. *Aristotelevskaya sillogistika s tochki zreniya sovremennoj formalnoj logiki* / Per. s angl. N.I. Styazhkina i A.L. Subbotina / Ya. Lukasevich. Birobidzhan: IP «Trivium», 2000. 312 s.
5. Lyuiz D. *Istinnost v vymysle* [Tekst]. *Logos. Filosofsko-literaturnyj zhurnal*, № 3 (1999) 13 / D. Lyuiz. M.: Dom intellektualnoj knigi, 1999. S. 48-68.
6. Popov V.G. *Logika i realnost: logiko-filosofskie ocherki* / V.G. Popov. SPb.: Izd-vo SPb un-ta, 2004.
7. Rassel B. *Vvedenie v matematicheskuyu filosofiyu* [Tekst] / Per. s angl. V.V. Celisheva / B. Rassel. M.: Gnozis, 1996. 240 s.
8. Rudnev V.P. *O nedostovernosti: protiv Vitgenshtejna*. *Logos*. 1997. № 9. M.: Izd-vo RGGU, 1997. S. 118-129.
9. Cyorl Dzh. R. *Logicheskij status hudozhestvennogo diskursa* [Tekst]. *Logos. Filosofsko-literaturnyj zhurnal*. № 3 (1999) 13 / Dzh. R. Syorl. M.: Dom intellektualnoj knigi, 1999. S. 34-47.
10. Ayer A.J. *Language, Truth and Logic*, N.Y., Dover Publication, 1952, 160 r.
11. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Neunzehnte Auflage. Tubingen, Max Niemeyer Verlag, 2006, 445 s.
12. Meinong A. *Über Gegenstandstheorie. Untersuchungen zur Gegenstandstheorie und Psychologie*. Herausgegeben von A. Meinong. Leipzig, Verlag von Jochann Ambrosius Barth, 1904. S. 1-51.
13. Wittgenstein L. *Tagebucher 1914-1916. Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Banden*. Bd.1. – Frankfurt a. M., Suhrkamp Verlag, 1984. S. 87-223.
14. Wittgenstein L. *Bemerkungen über die Grundlagen der Mathematik. Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Banden*. Bd.6. Frankfurt a. M., Suhrkamp Verlag, 1984. 446 s.
15. Wittgenstein L. *Philosophische Untersuchungen*. Hrsg. von G.E.M. Anscombe und von R. Rhees. *Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Banden*. Bd.1. Frankfurt a. M., Suhrkamp Verlag. 1984. S. 225-580.